

Ирина Муллер

**ОНА ЖИЛА
В БЛОКАДНОМ
ЛЕНИНГРАДЕ**

Ирина Муллер

**Она жила в блокадном
Ленинграде**

«Геликон Плюс»

2020

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Муллер И. Н.

Она жила в блокадном Ленинграде / И. Н. Муллер — «Геликон Плюс», 2020

ISBN 978-5-00098-277-8

О блокаде Ленинграда написано много воспоминаний, исторических исследований, рассказов, стихов. Но написанного никогда не будет достаточно. Об этом напишут еще и еще раз и наши современники и наши потомки. Эта тема вечна. Повесть «Она жила в блокадном Ленинграде» – это история молодой девушки, вчерашней школьницы. Она провела всю блокаду в Ленинграде – жила, боролась за свой город, голодала. Делала то, что делали все ленинградцы. Образ главной героини повести – собирательный. Потому что такая история, такие воспоминания есть в каждой ленинградской-питерской семье. Эта книга – еще один повод каждому вспомнить историю своей семьи, пересмотреть старые фотографии, почтить память героических защитников Ленинграда.

УДК 82.32.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-277-8

© Муллер И. Н., 2020

© Геликон Плюс, 2020

Содержание

Глава 1. Начало	7
Глава 2. Наша жизнь	9
Глава 3. Рытье окопов	11
Глава 4. Группа самозащиты. Подготовка к блокаде, защита от пожаров	13
Глава 5. Окна	14
Глава 6. Голод	16
Глава 7. Буржуйка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Николаевна Муллер

Она жила в блокадном Ленинграде

© Муллер И., текст, 2020.

© «Геликон Плюс», макет, 2020.

* * *

Ленинградским блокадникам посвящается...

За окном уже распустилась сирень. Большой ветвистый куст, весь усыпанный роскошными гроздьями фиолетовых цветков, расточал вокруг себя дивный аромат весны и радости.

Внутри была больничная палата. Стены, выкрашенные светлой краской. На столе приглушенно работает небольшой телевизор. Пахнет лекарствами. У большого незанавешенного окна – кровать. В ней, оперевшись на подушки, сидит миловидная седовласая дама. С аккуратной короткой стрижкой в уютном фланелевом халате. В ушах массивные старинные серьги.

На прикроватной тумбочке рядом с упаковками таблеток и пузырьками с микстурами – небольшая хрустальная вазочка с ландышами. Чуть поодаль – открытая коробка шоколадных конфет. Несколько яблок, апельсины, бутылка минеральной воды и пакетик мармелада – стандартный больничный набор.

Вчера приходили проведать дочь, внучка. Ближе к вечеру заглянула поздравить дочь умершей уже пять лет назад лучшей подруги.

Вчера исполнилось девяносто три года Боже, что же это за цифра такая – девяносто три, откуда она взялась. Неужели это я? Неужели это мне – девяносто три? Как мало осталось в живых близких и друзей. Как быстро пролетело время. А ведь как будто еще вчера ты была еще совсем юной девчонкой, ученицей старших классов. Стройной бесшабашной хохотушкой. С развевающимися на ветру кудрявыми волосами, в новом цветастом ситцевом платье. Вот ты вприпрыжку бежишь по улице – спешишь домой из булочной. Потому что сегодня твое шестнадцатилетие и скоро придут гости – родственники, одноклассники. А дома между тем дым коромыслом – мама, бабушка и соседка тетя Паша готовят праздничный стол. Уже нарезан винегрет, застыл студень. В духовке подходят пироги. С капустой и с мясом. В небольшом чуланчике, что у черного входа, в холоде терпеливо ждет своего часа праздничный торт. Он просто гигантских размеров, с кремовыми розочками, безе и орешками и воткнутыми в него пятнадцатью свечками. А тебя послали за хлебом, потому что, как это всегда бывает, в самый последний момент выяснилось, что хлеба-то как раз и недостаточно на такое количество гостей. И ты бежишь домой с авоськой. Полной хлеба и булки. На дворе июнь. Ярко сияет солнце. Уже совсем тепло. И всё вокруг – природа, город, люди – просыпается и оживает после зимней спячки, после дождливой весны, радуется солнцу и лету. А ты в новом ситцевом платье, сшитом бабушкой накануне всего за ночь специально к твоему празднику. Ты вся сияешь, светишься от радости. Ведь впереди – целая жизнь. И кажется, что в ответ тебе улыбается целая Вселенная. Улыбаются прохожие, улыбаются проезжающие мимо машины, улыбается даже серьезный постовой, регулирующий движение.

Прошло всего несколько недель. Июнь. Светит солнце. Утро воскресенья. Улица. На стенах домов висят репродукторы. У репродукторов собираются люди. Прохожие, спешащие куда-то по своим делам, замедляют шаг, останавливаются, прислушиваются, подходят поближе. К ним присоединяются еще люди. Вот уже собралось целое море людей. Тишина. Все замерли.

А из жерла репродукторов доносятся фразы: «От Советского Информбюро... без объявления войны...»

Глава 1. Начало

Ранняя осень. Утро. Ты уже проснулась, позавтракала и идешь в школу. Еще полностью не рассвело. Зябко. В воздухе чувствуется сырость. На небе серые тучи. Они висят очень низко, кажется, вот-вот закроют собой верхушки домов. Небольшой туман. Ночью скорее всего уже были первые заморозки. А по городу маршируют первые ополченцы. Прохожие и ты вместе с ними останавливаетесь, смотрите им вслед. Ополченцы проходят по центральным улицам. Двигутся в сторону Невы, к огромному величественному мосту.

Идет колонна. Затем еще одна. И еще. Идут мужчины. Они еще просто Иваны, Пети, Константины Сергеевичи, Леониды Георгиевичи...

Чьи-то сыновья, мужья, любимые, братья. Еще просто инженеры, врачи, учителя, рабочие, конторские служащие... пока еще в своей обычной одежде. Не опаленной порохом, не забрызганной кровью... На их гимнастерках пока еще нет боевых медалей и орденов. С утра вышли из своей квартиры, спустились по лестнице – широкой, массивной лестнице, вышли из парадной, прошли через двор колодец. Может быть, даже остановились, оглянулись, помахали на прощание любимым окнам. В руках узелки с самым необходимым: теплые вещи, сигареты, бритва, фотография родных. Наскоро собранные самими, или матерями, или женами. Идут тихо, напряженно, серьезно. Еще завтракали дома. Ели яичницу, котлеты с жареной картошкой, а кто-то большую тарелку геркулесовой каши с маслом, пили крепкий обжигающий чай с сахаром вприкуску. Такие большие бесформенные куски удивительно вкусного сахара, продающиеся в каждой бакалее. Их надо брать из хрустальной сахарницы и раскалывать на маленькие кусочки изящными щипчиками. Щипчики – серебряные или мельхиоровые – предназначены специально для колки сахара. Такие щипчики есть почти в каждой ленинградской семье. Кто же не любит пить чай с сахаром вприкуску.

Они еще помнят уют родных стен, по дороге еще раз оглядели двор, дома еще осталось столько дел. Что-то надо починить, когда наконец-то дойдут руки переставить шкаф – обещал домашним уже очень давно. А еще нужно вернуть дяде Васе инструмент, взятый на пару дней. На работе не дописан отчет – остановился прямо на середине, не хватило всего пары часов. А на столе в чашке, подаренной коллегами на юбилей, украшенной затейливым орнаментом и дарственной надписью, остался недопитый чай – непорядок, придется отмывать чашку. В верхнем ящике того же стола лежат завернутые в бумагу пара пряников и печенье. Неудобно, кто же любит неаккуратность. Не успел – собирался очень быстро. Наверное, все испортится, жаль, придется выбросить.

Цех разрушат вместе с чашкой с недопитым чаем. В ящике стола так и останется печенье, купленное в гастрономе напротив. Его не найдут под завалами.

Тревожность. Пока еще тишина. И вместе с тем спокойная непоколебимость. Над городом нависло предчувствие чего-то невообразимого, невысказанного, страшного. На Ленинград движется полчище. Фашистская орда. Дикая, безжалостная, озверевшая от своей безнаказанности, от вседозволенности. Полчище надвигается. Сея смерть и разрушения на своем пути. Приближается. Оно огромно. Оно хочет пожрать город, сровнять его с Землей вместе с жителями. Оно идет, оно уверено в своей мощи и в своей силе, в своей мнимой непобедимости.

Времени на страх и на осмысления происходящего нет. Что это – ужас, катастрофа, почему с нами, зачем? Что это будет? Выстоим ли мы? Да, выстоим. А если оно войдет в город – этого не произойдет, но если войдет, – значит, будут баррикады, значит, будем биться за каждую улицу, каждый дом, каждый метр. Мы не отойдем. Мы отстоим. В городе живут люди, и они поднимутся, встанут все, как один. Стеной. Закроют собой, своими спинами вход в город. И стар и млад. А это будет пострашнее надвигающегося полчища.

Многие погибнут. Старики, дети, женщины, мужчины. Их больше не будет с нами. Совсем. Навсегда. За них отомстят их товарищи. Никто и ничто не останется не отомщенным. Полетят бомбы, снаряды, пули и гранаты. В фашистов. Без остановки. За разбомбленные поезда, которые везли детей и стариков в эвакуацию, за отцов и мужей, погибших в бою, за партизан, защищающих свою землю, за тех, кого зверски замучили в фашистских застенках, за героически погибших моряков-краснофлотцев, за матерей, жен и дочерей. За тех, кто никогда не станет взрослым, потому что его или ее жизнь оборвала фашистская пуля в совсем юном возрасте. За госпитали с ранеными, которые разбомбили фашистские «мессеры», за деревни, сожженные вместе с жителями, где посреди поля остались одни только печи. За всех и за каждого. За рядового бойца и генерала.

Горечь утраты и скорбь наступят позже. Осознаются потом. Сейчас этому не время. Сейчас это придает новых сил, злости. Полчище будет остановлено.

А сейчас... На город, на его мирных жителей – женщин, мужчин, стариков, детей – надвигается полчище. Оно идет быстро, сметая и разоряя все на своем пути. Сея смерть и хаос. Оно уверено в своей силе, безнаказанности, вседозволенности. Оно вкусило запах крови, оно сошло с ума от своей кажущейся непобедимости, безнаказанности. Оно ступает своими сапогами по нашим мирным полям и пашням, сжигает, уничтожает деревни, столетиями стоящие на нашей Земле, угоняет наш скот. Броня вражеских танков корежит пяди нашей земли. Земля содрогается. Содрогается наше небо от шума летящих фашистских «мессеров». На нашу землю летят вражеские бомбы. С невероятным грохотом падают, оставляют после себя воронки. Земля стонет от того варварства, которое ей приходится наблюдать.

На Ленинград идет полчище. Времени мало. Катастрофически мало. Город – это жилые дома, заводы и фабрики, музеи, театры, школы, больницы и институты, университет и, конечно же, люди. Самое главное – это люди.

Город – это большой живой механизм. Который нужно полностью изменить, подготовить к надвигающейся опасности. Спасти все, что можно спасти. Производство, исторические ценности, а самое главное – людей.

И спасти город. Не впустить врага. Война идет чуть более двух месяцев. Еще не все осознали ужас происходящего. Еще почти все живы. Еще не так много потерь, не так много разрушений, исковерканных жизней. Подвиги уже есть, навсегда вошедшие в историю человечества. Подвиги начались с первой минуты, первой секунды страшного вторжения.

Глава 2. Наша жизнь

Как только началась война всех слушателей и преподавателей Военной академии, где служил мой отец, отправили на фронт. Дали два часа на сборы. Он успел забежать домой, быстро собрал вещи. Снял со стены одну из наших фотографий, бережно, прямо в рамочке упаковал ее в небольшой дорожный чемодан. Мамы дома не было. Наказал нам беречь себя и сказал, что война должна скоро закончиться. Что, может быть, уже к осени он будет дома. Не поехал на лифте, сбежал вниз по лестнице. На улице его ждала машина с солдатиком-водителем.

Мама уехала из Ленинграда на следующий день. Ранним утром. Сначала на самолете в Москву, а из Москвы ее вместе с другими преподавательницами Института связи отправили в район боевых действий. Фронту очень нужны были опытные женщины-связисты.

Мы с бабушкой остались дома вдвоем. И еще в Ленинграде жила моя старшая сестра.

Ее звали Алевтина. Несколько лет назад она вышла замуж и поселилась вместе с мужем у Нарвской заставы. В недавно застроенном сталинскими домами промышленном районе. Вернее, район-то совсем не новый. Люди здесь жили давно. И маленькие деревушки существовали здесь чуть ли не с петровских времен. А вот за последнее время Ленинград очень сильно разросся. Расцвел.

Район, где жила Алевтина, когда-то был рабочей окраиной. Здесь находится знаменитый Путиловский завод. Теперь здесь много красивых жилых домов. Новое для всех советских людей – светлый и просторный, с высокими потолками, широкими лестницами Дворец культуры.

Красавец-гигант Кировский завод. Это гордое слово «рабочий». Здесь есть целые рабочие династии. Преемственность поколений. От отца к сыну, от сына к внуку и дальше. Без остановки. Здесь созидание. Мирный труд. Труд на благо Родины.

Большие цеха. Огромные территории, заполненные станками. Грохот машин. Огненный жар мартеновских печей. Здесь вершится процесс производства, здесь выпускается продукция. И рабочий повелевает этим процессом. Здесь все подчинено человеческому разуму, человеческому мастерству. Здесь царит его величество Труд.

Вражеские полчища еще только двигались в сторону Ленинграда, а многие тысячи заводчан уже попросились отправить их прямо на передовую, чтобы бить врага. Чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Потом, когда начнется блокада, и здесь, в осажденном городе, и в цехах, эвакуированных на Урал, будут создаваться броневые машины, машины Победы – знаменитые танки. Наводящие ужас на фашистов. Громящие их, прогоняющие их прочь с Родной земли.

Этот район располагался очень близко к линии фронта. И его постоянно бомбили. Больше, чем другие части города. Поэтому очень многие жители переезжали к своим родственникам или друзьям в центр. Так поступила и наша Алевтина. Ее муж, рабочий-кировец, в самые первые дни войны записался в ополчение. Алевтина осталась дома совсем одна. У них была совсем крохотная, но своя отдельная квартира. Буквально за несколько месяцев до начала войны ее мужу и многим другим рабочим Кировского завода дали квартиры в новом, только что построенном доме. И мы всей семьей в одно из воскресений ездили к ним из центра города на трамвае отмечать новоселье. Алевтина напекла пирогов, сварила студень, а в центре стола высился гигантских размеров торт. С традиционными кремовыми розочками и с клюквенной пропиткой. Клюкву мы собирали осенью у нас на даче. Сколько раз во время блокады во время голода мне снился этот прекрасный торт. Казалось, вот окажись он сейчас здесь передо мной – съем его за раз со всеми его розочками, и даже не запью чаем.

Посоветовавшись с бабушкой, мы решили, что будет лучше, если Алевтина переедет к нам в центр. Все-таки наша квартира подальше от линии фронта, да и не надо молодой женщине жить совсем одной. Алевтина собиралась в спешке. Упаковала в старый мужнин чемодан самую необходимую одежду, белье, а все не поместившееся положила в скатерть и связала в огромный узел. Взяла с собой оставшиеся ей в наследство от родственников серебряные подсвечники. Положила в специально сшитый накануне вечером мешочек, который вешался на веревочке на шею и был не виден под одеждой, деньги и документы. Закрела на замок квартиру и медленно пошла к трамвайной остановке. Чемодан в руке, узел перекинут через плечо. Через несколько месяцев бабушке чудом удастся обменять на Сенном рынке эти подсвечники на несколько кусков сахара и четверть буханки хлеба.

На остановке в ожидании стояло уже много людей. Это были жители прифронтового района. Все с большими тюками, баулами, чемоданами с вещами. Кто-то положил вещи в старую детскую коляску. Люди переезжали в центр города.

Подождал трамвай. Алевтина с трудом поднялась по ступенькам, толкая впереди себя чемодан с вещами, а на спине висел баул с тяжелыми подсвечниками и тянул назад. Обычно, видя гражданку с большой поклажей, окружающие тут же спешили на помощь. Так уж было заведено в Ленинграде. Но сейчас вокруг были такие же увешанные тюками и баулами женщины. Многие еще крепко держали за руки малолетних детей. Алевтина оплатила у кондуктора проезд, автоматически посмотрела на билетик – а вдруг он счастливый и заняла место у окошка. Ехать нужно было примерно час. А в центре города, на другой трамвайной остановке, недалеко от нашего дома, я уже дожидалась свою старшую сестру, чтобы помочь ей донести вещи.

Так мы и стали жить втроем.

Глава 3. Рытье окопов

С момента начала войны я проучилась в школе несколько месяцев, а потом записалась в группу самозащиты нашего дома. Сначала туда отбирали строго по возрасту – только взрослых жильцов дома, и меня в мои шестнадцать лет сначала брать не хотели. Но потом все мужчины нашего дома ушли на фронт. Остались одни женщины. Кто-то эвакуировался, кого-то убили, кто-то умер от истощения. А кто-то переехал жить на производство – потому что в условиях голода и слабости было очень сложно проделывать каждый день путь до работы, а затем обратно. Транспорт встал, и вдобавок ко всему еще были постоянные обстрелы. Приходилось тратить на дорогу иногда по три-четыре часа. И ввиду этого очень многие или жили на своей работе, или перебирались к коллегам или родственникам, живущим поблизости.

И поэтому совсем скоро ряды дружин самозащиты пополнили подростки.

А спустя какое-то время к нам присоединились и дети. Перед тем как приступить к несению службы, я проучилась на специальных курсах. Нам рассказывали о противовоздушной и противохимической защите. В группе были одни девушки-комсомолки.

Я отнеслась к своим новым обязанностям с большим воодушевлением. Патриотический настрой среди населения был настолько силен, что весь город, каждый его житель хотел внести свой посильный вклад в защиту Ленинграда. А иначе и быть не могло. В городе занимались подготовкой светомаскировки, натягивали на стратегические объекты специальные маскировочные сетки. На заводы, на больницы, на правительственные здания, на памятники культуры – чтобы с воздуха фашистским самолетам было непонятно, что перед ними – хлебозавод или просто большое поле.

Еще летом нас, старшеклассников, целыми классами несколько раз возили на окраину города на грузовике, и мы помогали рыть противотанковые окопы и траншеи. Они нужны были в случае, если бы враг подошел вплотную к Ленинграду. Казалось, в этот момент там находились почти все ленинградцы – готовились к обороне нашего города.

Ездили обычно рано утром, все ребята, кто остался в городе, собирались в школьном дворе, подъезжали грузовики, мы рассаживались в кузовы и отправлялись. Весь путь занимал минут сорок. Пока ехали, говорили о последних новостях с фронта. Кто-то уже получил первые весточки от родных: сложенный в треугольник листок бумаги – письмо с фронта. Опаленное порохом и кровью. У всех нас отцы и старшие братья ушли воевать в самые первые дни войны. Эти письма читали и снова перечитывали по вечерам вслух всей семьей. Пересказывали соседям и друзьям. Такие письма-треугольники будут приходить, наверное, в каждый дом во время войны. А во многие семьи придет самое страшное их них – похоронка.

И вот мы на месте. Нам выдавали лопаты, объясняли, как нужно копать, и мы приступали к работе. Рядом с нами, ребятами, работало много взрослых. Это были и врачи, и инженеры, и научные работники. Некоторые женщины были с красивыми прическами, иногда даже с помадой на губах. Многие в нарядных летних платьях, а некоторые даже в элегантных туфельках, купленных скорее всего сразу после полочки – заранее, специально к тому моменту, когда на дворе будет хорошая погода. Мы, пока еще люди мирного времени, пока еще не опаленные огнем войны, ее ужасами, роем окопы на подступах к нашему городу. Каждый хотел сделать как можно больше. Работали не покладая рук. После первой поездки у меня болело все тело. Руки, спина. На следующее утро еле встала с кровати. Но потом потихоньку втянулась.

Неподалеку от места, где мы рыли траншеи, был развернут медицинский пункт, где работали несколько медсестер и врачей. Там оказывали первую помощь, если кто-то нечаянно поранится во время работы. А фашисты уже были совсем на подступах к Ленинграду и начались обстрелы. К счастью, я не застала сам обстрел. Женщина-инженер, копающая рядом со мной, рассказывала, что, когда подлетели фашистские самолеты, нужно было броситься врассыпную

и лечь на землю. Кто-то замешкался, кто-то специально вставал во весь рост и грозил кулаком фашистским самолетам со словами: «Нелюди, не видать вам нашей земли». «Мессеры» сбросили бомбы. Летели очень низко. Кто-то говорил, что даже успел рассмотреть самодовольное лицо пилотов. Несколько человек погибли. Было много раненых. Кого-то задела взрывная волна. Медики тут же поспешили на помощь. Раненых погрузили на носилки, подошли машины, и их повезли в город в больницу.

Я этого уже не застала. Только однажды, когда мы рыли окопы, вдруг прилетел один фашистский самолет. Испугаться мы не успели. Самое начало войны – люди еще не хлебнули сполна всех ужасов. Не понимали, чего ожидать. И вдруг вниз на землю из чрева фашистского самолета полетели белые листы бумаги в большом количестве. Люди смотрели на происходящее в недоумении. Что это такое? А это оказались листовки – на корявом русском языке фашисты предлагали прекращать рыть окопы и готовиться к сдаче города.

После этого работы возобновились с удвоенной силой.

Глава 4. Группа самозащиты. Подготовка к блокаде, защита от пожаров

В самом Ленинграде дел был тоже непочатый край. Во-первых, нужно было привести в надлежащий вид все чердаки домов. Потому что там предполагалось нести дежурства во время воздушных налетов. Повсеместно начались разборки чердаков. Выбрасывали старый мусор, хлам. Освобождали помещения. И заносили туда мешки с песком. Или же песок поднимали наверх ведрами. Еще нужно было что-то придумать с деревянными балками, деревянными перекрытиями. Во втором по величине городе нашей страны, конечно же, большинство домов каменные. Но вот перекрытия были деревянными. И если загорится перекрытие – загорится весь дом. А потом пламя перекинется и на соседний. И так весь город может оказаться в огне. На что и рассчитывали фашисты. И здесь действительно крылась очень большая опасность.

Нужно было что-то предпринять, чтобы противостоять пожарам. Думали, анализировали и наконец нашли выход. Было принято решение использовать специальную противопожарную краску – суперфосфат. Покрасить ею все деревянные конструкции домов. Огромное количество суперфосфата оставалось на одном из ленинградских химкомбинатов. Его не вывезли в эвакуацию. И это очень помогло городу.

Ленинградцы взялись за кисточки. Покрывали все деревянные детали домов белой краской. Она оказалась настолько прочной и долговечной – что сохранилась на деревянных балках многих зданий десятилетия спустя после окончания войны.

Мы тоже принимали участие в подготовке нашего домохозяйства к обороне города. Начали, как и все, с разбора чердака. Утром в субботу все соседи, оставшиеся в городе, вышли во двор – к нам пришли несколько человек из МПВО. А еще через некоторое время приехал грузовик – привез ведра с краской.

Бойцы противовоздушной обороны, управдом с ключами от чердака и десятков соседей, включая нас с Алевтиной, отправились наверх. Чердак открыли не с первого раза. Старый скрипучий амбарный замок, надежно закрывающий вход, никак не хотел слушаться. Наконец ключ все-таки повернулся, и мы смогли попасть внутрь. Я тут же начала чихать. Было очень пыльно, полумрак. И паутина повсюду. А еще – чего тут только не было! Какого только старого хлама! Яблоку было негде упасть. Мы незамедлительно приступили к разбору. Времени было мало. Всё сносили вниз по лестнице во двор. Там были и какие-то деревянные предметы, приспособления непонятного назначения – как же они пригодились спустя буквально пару месяцев, когда у нас появились буржуйки.

А пока на дворе стояло жаркое, душное лето. Работа спорилась, несмотря на жару и духоту. Бабушка периодически приносила из нашей квартиры всем желающим в кружке холодной воды или стакан ароматного чая. Вдоволь напиться и перевести дух.

С чердаком провозились до самой ночи. И еще все воскресенье. А в понедельник уже приступили к покраске. Красить было непросто. Опыт пришел уже во время работы. Кисточки сами по себе были тяжелыми, и нужно было прокрасить большие поверхности. И покрывать их краской по несколько раз. Краска была очень ядовитая. Если случайно попадала на кожу, то начиналось сильное жжение, раздражение. Поэтому действовать надо было предельно аккуратно. В понедельник Алевтина и другие взрослые соседи ушли на работу, поэтому оставшиеся балки докрашивали я и еще несколько подростков. А руководила процессом бабушка. Взрослые присоединились к нам уже ближе к вечеру, когда пришли со службы. Так мы и подготовили наш дом к предстоящим обстрелам.

Глава 5. Окна

А еще ленинградцы начали клеивать окна бумажными полосками – крест-накрест. Чтобы во время обстрела взрывная волна не выбила стекла. Чтобы они не раскололись на сотни мелких кусочков и не поранили людей, да и продолжали сохранять хоть какое-то тепло в квартире. Идя по улице можно было видеть, что все стекла ленинградских домов покрыты этими полосками. Мы с бабушкой также потратили целый день, чтобы заклеить окна. И у нас в квартире, и на лестнице. Помогал нам соседский мальчик Вася. Сначала резали бумагу на полоски. Потом достали из кладовки стремянку. С нашими высокими потолками дотянуться до верхней части окон просто невозможно. Нужно обязательно на что-то встать. Стремянка была огромных размеров, очень массивная и прочная. Казалось, ее изготавливали на века. Обычно мы ее доставали, когда нужно было поменять перегоревшие лампочки в люстре в гостиной, когда мыли окна, когда несколько раз клеили новые обои на стены и, конечно же, всякий раз, когда украшали новогоднюю елку. До войны перед каждым Новым годом папа приносил домой большую, пушистую, пахнущую лесом и хвоей красавицу. Всю в снегу. Снег отряхивали на лестнице, потом брали ведро с песком и ставили в него елку. Елка всякий раз была такая большая, что ее верхушка еще совсем чуть-чуть – и уперлась бы в потолок. Потом мы доставали с антресолей игрушки. Деда Мороза и Снегурочку, а еще звездочки, снежинки, разных стеклянных человечков-клоунов, стеклянные яблоки и сливы. И начинали украшать нашу красавицу. Кто-то вставал на стремянку, а кто-то аккуратно доставал игрушки из коробки, так же аккуратно вынимал их из ваты, в которую они были завернуты, и подавал стоящему на стремянке. А самый верх елки, конечно же, украшала большая сияющая пятиконечная звезда. А еще мы брали конфеты, грецкие орехи и заворачивали их в красивую бумагу и тоже вешали на елку. А после окончания праздника все игрушки отправлялись обратно в коробку и на антресоли до следующего года. Как же нам пригодились эти грецкие орехи и конфеты, завернутые в разноцветную фольгу! Да не только нам, многим ленинградцам, потому что тогда было принято украшать ими елку. Так делали почти во всех ленинградских семьях. И вот голодной и холодной зимой 1941-го мы достали с антресолей ящик с игрушками – а там кроме всего прочего были грецкие орехи и конфеты. О них и думать забыли. А они лежали, ждали своего часа. Это же был настоящий пир. Как же поддержал многих этот маленький грецкий орешек, этот кусочек прошлой счастливой мирной жизни. Сколько сил он подарил изможденным голодом и бомбежками людям.

А сейчас я придвинула нашу стремянку прямо к окну, поставила ее как можно устойчивей, поднялась по ступенькам и приготовилась принимать из бабушкиных рук полоски бумаги, обмазанные клеем, чтобы прикрепить их к стеклам окон. А тем временем Вася нарезал бумагу на эти полоски. Работа спорилась. И подобная картина наблюдалась во всех ленинградских домах. Так мы обклеили окна нашей квартиры – наши комнаты и комнаты Васи и его родителей. А потом принялись за оконные стекла на лестнице. К вечеру все было готово.

Когда начались обстрелы, эти полоски очень помогли. В нашей квартире окна выбило только в одной комнате. Мы заткнули образовавшуюся дыру всем, что попало под руку – старыми одеялами, пледом, старой маминой шубой, которую до войны всё собирались выбросить, да откладывали. Вот теперь она нам и пригодилась. И это помогло хоть немного сохранить в квартире тепло.

А еще всем ленинградцам объявили о необходимости светомаскировки. Электричество в жилых домах отключили вскоре после начала блокады, поэтому люди пользовались кто чем – в основном керосиновыми лампами. А по правилам противовоздушной обороны окна в темное время суток должны быть тщательно затемнены. Чтобы во время вражеских налетов фашистов встречала только крошечная темень да наши аэростаты и снаряды, выпускаемые зенитными

батареями. Чтобы ни один лучик света не прорывался из окон домов. За этим следили очень тщательно. И дружинники обходили квартиры и информировали население, а во время налетов они же осматривали дома снаружи, проверяя, не виднеется ли где свет.

Нужно было обязательно закрывать окна чем-то плотным. Все приспособлялись по-разному. Если в хозяйстве не было плотных портьер, то кто-то даже вешал на окна одеяла. Зимним вечером в квартирах свет был в основном только от топящейся буржуйки. Которая обычно и была главным домашним очагом, центром домашней жизни для горожан. Она и грела и поила и кормила.

Еще во всех домохозяйствах стали постоянно проводить учения. Гражданам разъясняли, как вести себя во время артобстрела, во время вражеского налета, что делать, если в твой дом попала зажигательная бомба.

Глава 6. Голод

В сентябре в Ленинграде началась блокада. И начался голод. Во время постоянного голода все чувства и эмоции человека притупляются. Даже не притупляются, а, правильнее будет сказать, замедляются. Сил нет не только физических, но и эмоциональных. Остается только одна сила. Это сила твоего духа.

Алевтина очень тяжело переносила голод. У нее не развилась дистрофия, нет. Но началась очень сильная цинга. Организму катастрофически не хватало питательных веществ. Мы, как и все ленинградцы, получали хлебные карточки. Плюс с мирного времени у нас оставалась дома крупа, совсем немного, но все равно что-то. Греча, манная крупа и перловка. Еще до войны мы закупили по несколько килограммов каждой крупы. Она предназначалась для дачи, где бабушка обычно проводила несколько летних месяцев. Занималась садом, варила на зиму смородиновое варенье, яблочное повидло. И соответственно, мы с родителями в начале бабушкиного дачного сезона всегда завозили туда много провизии. Специальной дачной еды, которая не портилась и долго хранилась. Потому что поселковый продуктовый магазин находился довольно далеко от нашего домика.

В этом году мы поступила так же – купили много разной крупы. А вот отвезти на дачу уже не успели – началась война. Как жегодились нам эти совсем небольшие, но все же запасы, когда начался голод. Растягивали крупу, как могли. Из одной ложечки манки варили кашу на нас троих. Еще какое-то время у нас был даже картофель. Килограммов шесть было куплено на Сенном рынке. Их мы тоже растянули на несколько месяцев. Научились из картофельных очистков делать котлеты. Это было настоящее пиршество. Еще дома постоянно был кипятилок. Так делали все ленинградцы. Его пили в большом количестве. Он согревал и притуплял чувство голода.

Длительный голод приводит к голодной болезни – так это называется в медицине. А есть еще дистрофия. А люди – дистрофики. Это последняя стадия голода – после нее только смерть. Это когда от человека остаются только глаза. А вот в глазах как раз можно прочитать все. Человек все понимает, осознаёт происходящее с ним. Он очень хочет жить, он не хочет умирать. Еще слишком рано. Он борется до последней минуты, он не понимает, почему так происходит. А организм настоятельно требует у своего обладателя положенных ему белков, жиров и углеводов, питательных веществ. Живой организм не может без этого существовать. Он уже исчерпал все собственные запасы, все свои возможности, больше не осталось ничего. В теле больше нет ни грамма жира, все ушло на поддержание жизни. И человек жив. Но взять силы уже неоткуда. Вот что такое дистрофия.

Во время голода человеческий организм переходит в режим экономии энергии. Это нужно, чтобы выжить. Ты думаешь только о том, что здесь и сейчас. Вот сейчас ты встанешь, сделаешь шаг, потом еще один, возьмешь со стола хлебные карточки, выйдешь на улицу... И может быть, немного мечтаешь о том, как будет, как хорошо ты заживешь после нашей Победы. Когда наступит мир. Когда закончатся эти непрекращающиеся бомбежки, постоянный голод и холод. Сейчас все окружающее тебя, кажется, напоминает замедленную киносъемку.

Ты вспоминаешь, как ты жил, что ты любил в мирное время. И мечтаешь о том, что бы ты поел, когда война закончится. Если ты выживешь.

А между тем жизнь продолжается. Несмотря на этот голод и постоянные бомбежки. Несмотря на весь этот нечеловеческий ужас происходящего вокруг тебя.

Ты – это все тот же ты. У тебя есть близкие. Есть долг. Есть обязанности. Есть твое окружение. Ты встаешь утром и отправляешься на работу, возвращаешься домой, идешь в булочную за хлебом, идешь за водой, дежуришь на крыше во время налетов, слушаешь сводки

из района боевых действий, получаешь письма от воюющих на фронте родственников... Ты встречаешь соседей, друзей, коллег по работе.

Ты не привык к происходящему вокруг тебя, к этому невозможно привыкнуть. Это невозможно осознать и принять. Ты просто научился в этом жить.

Трупы на улицах уже не ввергают в такой шок. Ты просто идешь мимо, стараясь не смотреть. Тела людей замотаны в простыни, покрывала, скатерти. Полностью, с ног до головы. Они разного размера. Кто-то был высоким, кто-то небольшого роста. Есть совсем маленькие – дети, они уже не вырастут никогда. Гробов нет. Их очень мало. За гроб нужно заплатить хлебом. А хлеб – это жизнь. Получается, платить жизнью за смерть. Трупы везут на саночках, салазках, на листах фанеры, железа. Везут обычно женщины. Везти очень тяжело. Исхудавшее тело, в котором часто не осталось ни грамма жира – ведь многие умерли не от бомбежек, а от недоедания, – везти очень тяжело. Да и те, кто везет, сами едва стоят на ногах. Они сами очень худые, обессиленные. Закутанные в платки, в каких-то бесформенных тулупах. Идут, пошатываясь. Везут на пункты сбора. Их открыли в разных частях города. Там уже лежит большое количество трупов. Они лежат, сложенные один на другой. Много неопознанных. Родственники или воюют на фронте, или могут быть в эвакуации, или сами уже лежат в братской могиле. Многих нашли на улице. Они замерзли. Сели в сугроб и не смогли подняться. В нем и заснули вечным сном. Некоторых вывезли из квартир специально созданные санитарные бригады, периодически обходящие дома. Сколько раз дружинники находили умершую мать, а рядом еще живых, замерзающих от холода и ослабевших от голода малолетних детей, не понимающих, что происходит и почему их мама так долго спит и никак не хочет проснуться, чтобы согреть, накормить и напоить их. Детей спасали. Вывозили из обледеневшей квартиры, где часто были выбиты стекла и снег, который намело с улицы, лежал даже на полу. Где не становилось тепло, даже когда все время топилась печка-буржуйка, а что уж говорить о том, какой там стоял мороз, когда несколько дней квартиру никто не отапливал.

Детей отпаивали кипятком, кормили. Многих вывозили на Большую землю по Дороге жизни. По льду озера.

Многие боялись ехать. Боялись этого пути. Боялись неизвестности. Ехали обычно ночью на грузовиках-полупотках. Полностью загружали кузова детьми – укутанными с головы до ног, перевязанными поверх тулупов кто чем, что нашли дома родственники, например пуховыми платками. С небольшими котомками в маленьких руках. Их сажали плотно один к другому. Так теплее. И колонна грузовиков начинала движение в сторону Ладожского озера. Водители делали уже второй рейс – в город они привезли мешки с мукой, а обратно везли обессиленных женщин и детей. Открытый кузов полупотки, обжигающий холодный ветер, вокруг – хоть глаз выколи, ничего не видно. Проступают лишь силуэты деревьев, устрашающе выглядят они в эту кромешную темень.

Страшная, напряженная тишина. Лишь скрипят колеса по снегу. Мороз к ночи еще крепчает. Дети сидят тихо, не издают ни единого звука, сидят, тесно прижавшись друг к другу. Кто-то уже спит. И вот показалось озеро. Путь к спасению. Первый грузовик заезжает колесами на лед. Пока зима, лед очень прочный – здесь опасности нет. И грузовики едут не вразнобой, по льду проложена специальная трасса, и вдобавок на всем протяжении стоят девушки-регулировщицы – указывают машинам путь. Стоят сутками в сорокаградусный мороз, спят там же, на снегу. Просто больше негде. Они стоят живыми мишенями для фашистских бомбардировщиков; зимой озеро – огромное заснеженное пустынное поле. Укрыться здесь невозможно. На них сбрасывают бомбы фашистские «мессеры». А они стоят. Можно только лечь на снег – возможно, это хоть как-то поможет не попасться на глаза вражеским пилотам. Когда бомбежка прекращается, они встают, но встают не все – кто-то так и остается лежать на этом холодном, жестком, колючем снегу, навсегда уйдя здесь в бессмертие... А те, кто встают, начинают расчищать, восстанавливать дорогу. Ведь скоро на лед заедет очередная колонна грузовиков.

Ехать всего ничего: каких-то тридцать километров – и ты на Большой земле. Где есть еда, где нет постоянных, изматывающих бомбежек, где вокруг не лежат штабелями мертвые люди, ожидая, когда придет грузовик, чтобы увезти их в братскую могилу.

Но этот путь в тридцать километров кажется вечностью. Доедет ли полупорт? Не разбомбят ли ее по дороге, не уйдет ли она под лед? Все прекрасно знают, что доедут не все. Путь к спасению страшен. Одному Провидению известно, что станет с сидящими в кузове людьми. Идет колонна. Внезапно раздается страшный рев самолетов. Летят бомбы. Несмотря ни на что, полупорты едут дальше. Им не указ эти крылатые адские машины смерти, сбрасывающие тяжелые бомбы на нашу землю, сеющие смерть в наших городах и селах. Маленькие полупорты на полной скорости несутся вперед. Еще чуть-чуть – и они покинут этот опасный участок трассы. Но вдруг возникает дикий шум, кажется, время остановилось, замерло. Яркая вспышка света. Фашистская бомба пронзила лед практически прямо перед впереди идущей машиной. Образовалась огромная воронка, и машина с людьми стала быстро уходить под лед. В ней были чьи-то родственники. И твой коллега – шофер. Остановиться нельзя. Помочь ты уже не в силах. А если остановишься, то следующая бомба прилетит в тебя. А у тебя целый кузов людей. Тогда погибнут и они, и те, кто следует за вами. Следующая полупортка. И еще одна. Ты должен спасти людей. Ты объезжаешь вновь образовавшуюся полынь и двигаешься дальше.

Война не щадит. Война – это страшно.

Глава 7. Буржуйка

После того как в городе отключили отопление, обогревать квартиры можно было только специальными печками, которые назывались буржуйками.

Такую печку-буржуйку в нашей парадной мы поставили на кухне одними из первых. Ставили вдвоем с бабушкой. Купили ее все на том же Сенном рынке. Вернее, выменяли на одну из картин, передававшихся в нашей семье из поколения в поколение, написанную каким-то не очень известным фламандским художником в восемнадцатом веке. На ней был изображен красивый зимний пейзаж – заснеженное поле, покрытые инеем деревья, крестьянский домик. Картину завернули в старую скатерть, а сверху укутали в шерстяное одеяло, чтобы не пострадала на холоде, и понесли на рынок. Продававший буржуйку мужчина согласился отдать ее за нашу картину. Долго вертел в руках, пристально разглядывал. Больше всего ему понравилась массивная резная деревянная рама, выкрашенная золотой краской. И вот мы стали обладательницами печки-буржуйки. Погрузили ее на мои детские саночки, взяли вдвоем за веревку и двинулись в сторону дома.

Как только дотащили печку домой, пригласили мастера-стекольщика из нашего домоуправления, и он сделал аккуратный вырез в оконном стекле на кухне – как раз, чтобы в него поместилась труба буржуйки. Пока работал, похвалил нас, сказал, что мы одни из первых не только в парадной, но и во всем нашем доме, кто приобрел и устанавливает дома печку.

Производство таких печек наладили сразу несколько ленинградских заводов. Сначала все это было в новинку и непривычно. А впрочем, как можно привыкнуть к тому, что теперь ты живешь в осажденном городе по законам военного времени. Но через какое-то время мы с бабушкой научились очень неплохо с ней управляться. Буржуйка – это, конечно же, не знаменитая русская печка-кормилица, которая обогревает собой всю избу, очень долго не остывает, в которой пекут хлеб и пироги и спать на которой одно удовольствие. Совсем нет. Буржуйка и постоянно коптит, и распространяет вокруг себя вредные вещества, которые выделяются во время горения. И лица у людей, сидящих в комнате, становятся темными от копоти. Да и вдыхать ее дым не очень полезно. И обогревает она комнату неравномерно, и тепла ее недостаточно даже для небольшого помещения. Нужно сидеть к ней совсем близко, чтобы согреться. Еще ее нельзя топить двадцать четыре часа – во-первых, где взять столько дров, ведь огонь нужно поддерживать постоянно, а во-вторых, это просто опасно. В самую первую блокадную зиму много ленинградцев угорели и случилось много пожаров по причине неправильного пользования печками. Многие люди просто не умели с ними должным образом обращаться. А откуда городской житель может знать, как правильно топить печку? А как только гас огонь, потому что или дрова заканчивались, или люди решали ложиться спать, буржуйка очень быстро остывала. Это был очень большой ее недостаток. И в комнате опять становилось очень холодно. Люди, натопив как следует печку вечером, ложились спать, а утром просыпались в совершенно ледяном помещении, когда во время дыхания или разговора изо рта и носа шел пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.